

НЕ УБЕЙ ЖИВОГО

После Маркса, после башен, после правды-ножа

ЭДЭМ

Оглавление

- 0. Зачем эта книга
- 1. Что Маркс увидел правильно
- 2. Где Маркс ошибся
- 3. Почему СССР не стал садом
- 4. Почему капитализм тоже не сад
- 5. Не враги, а причины
- 6. Когда вера убивает живого
- 7. Когда психология убивает живого
- 8. Когда любовь становится контролем

0. Зачем эта книга

Маркс увидел реальную рану.

Человек может стать функцией.

Рабочей силой.

Товаром.

Потребителем.

Ресурсом.

Винтиком.

Материалом для прибыли.

Но путь освобождения, который пошёл через большую систему, партию, государство, аппарат и “светлое будущее”, слишком часто снова сделал человека материалом.

Только уже не для капитала.

А для класса.

Для партии.

Для истории.

Для будущего.

Для государства.

Для идеи.

Эта книга не о том, как вернуть СССР.

И не о том, как защитить капитализм.

Она о другом.

Как людям строить общность так, чтобы не ждать спасителя сверху.

Как помогать друг другу так, чтобы помощь не становилась властью.

Как создавать маленькие формы жизни, где человек перестаёт быть товаром, кирпичом, функцией и электоратом.

Как не превратить боль в идеологию.

Как не построить новую башню под видом сада.

Главная формула:

сад начинается там, где живой человек перестаёт быть
материалом для чужой системы.

1. Что Маркс увидел правильно

Маркс не был просто “автором красной чумы”.
И не был святым пророком освобождения.

Он увидел важный механизм.

В капитализме человек может продавать не только труд.

Он продаёт время.

Силы.

Тело.

Внимание.

Молодость.

Здоровье.

Жизнь.

Он работает не потому, что труд возвращает его к жизни, а потому что без работы он не выживет.

Он создаёт продукт — но продукт ему не принадлежит.

Он производит богатство — но богатство уходит мимо.

Он участвует в системе — но система видит в нём не лицо, а ресурс.

Это называется отчуждение.

Человек отчуждается от труда.

От результата.

От времени.

От других людей.

От себя.

Он становится функцией.

И Маркс был прав: бедность не всегда личная вина.

Часто человек рождается уже в такой системе, где правила написаны не им и не для него.

Если у одного есть земля, фабрика, капитал, связи, наследство, доступ к власти, а у другого только тело и время — это не равная свобода.

Формально оба свободны.

Один свободен покупать труд.

Другой свободен продать себя, чтобы не умереть.

Это важная правда.

И её нельзя выкинуть только потому, что потом под марксистским языком строили лагеря, партии, цензуру и диктатуру.

Рана была настоящая.

Капитализм действительно может сделать человека товаром.

Но увидеть рану — ещё не значит правильно выбрать лекарство.

2. Где Маркс ошибся

Главная ошибка была не в том, что он увидел эксплуатацию.

Главная ошибка была в том, что путь освобождения слишком легко стал путём новой власти.

Он слишком поверил в большую систему.

Класс.

Историю.

Революцию.

Диктатуру как временный этап.

Будущее, ради которого можно потерпеть настоящее.

И здесь началась опасность.

Когда человек становится “представителем класса”, его лицо исчезает.

Он уже не Иван.

Не Мария.

Не ребёнок.

Не старик.

Не испуганный.

Не ошибающийся.

Он — буржуй.

Кулак.

Враг народа.

Мелкобуржуазный элемент.

Носитель неправильного сознания.

А когда человек стал элементом схемы, его легче убрать ради схемы.

Вторая ошибка: будущее стало важнее настоящего.

Можно было сказать:

- > сейчас насилие, зато потом свобода;
- > сейчас диктатура, зато потом равенство;
- > сейчас страх, зато потом человек станет человеком.

Но если ради будущего сада сегодня ломают живого человека, это уже не сад.

Это башня, покрашенная в зелёный цвет.

Третья ошибка: власть назвали временной.

Но власть почти никогда не исчезает сама.

Она говорит:

- > ещё рано;
- > враги мешают;
- > народ не готов;
- > нужно усилить контроль;
- > сначала победим, потом отпустим.

И временная диктатура становится постоянным аппаратом.

Четвёртая ошибка: теория стала почти верой.

Когда теория перестаёт проверяться живым человеком, она становится догмой.

А догма уже не спрашивает:

- > кому стало легче дышать?

Она спрашивает:

- > кто верен линии?

Так лекарство становится ядом.

3. Почему СССР не стал садом

В СССР были живые сады.

Дворы.

Соседи.

Дружба.

Коллективы.

Общая помощь.

Ощущение, что человек не совсем один.

Меньше рыночной атомизации.

Меньше культа личного успеха.

Больше общей ткани в некоторых местах.

Это нельзя вычёркивать.

Человеческое там было.

Но человечность людей не доказывает человечность системы.

Люди могли оставаться живыми внутри башни.

Сама система часто говорила:

- > партия выше человека;
- > коллектив выше лица;
- > идеология выше правды;
- > будущее выше настоящего;
- > правильная речь выше живого голоса;
- > государство знает лучше тебя.

Живое давили не только лагерями и страхом.

Иногда мягче.

“Не высовывайся.”

“Будь как все.”

“Не говори лишнего.”

“Не думай не так.”

“Не позорь коллектив.”

“Сначала общее, потом ты.”

“Потерпи ради будущего.”

Так человек снова становился кирпичом.

Не для рынка.

Для государства.

Для партии.

Для истории.

Для большой идеи.

Поэтому вопрос не в том, был ли СССР полностью адом или полностью раем.

Вопрос точнее:

где человек дышал, а где его заставляли быть материалом большого проекта?

Вот это надо видеть.

4. Почему капитализм тоже не сад

Капитализм может дать движение.

Можно открыть дело.

Уехать.

Выбирать работу.

Продавать свой труд дороже.

Создавать продукт.

Покупать.

Менять.

Изобретать.

Расти.

Но рядом с этим есть яд.

Капитализм почти всё умеет превращать в товар.

Труд — в ресурс.

Внимание — в трафик.

Боль — в продукт.

Дружбу — в нетворкинг.

Любовь — в рынок отношений.

Тело — в упаковку.

Смысл — в бренд.

Даже духовность — в воронку продаж.

Человек вроде свободен.

Но часто он свободен только выбирать, кому продать себя.

Работодатель.

Алгоритм.

Бренд.

Платформа.

Рынок.

Клиент.

5. Не враги, а причины

Это не значит, что зла нет.

Зло есть.

Насилие есть.

Ложь есть.

Предательство есть.

Жестокость есть.

Манипуляция есть.

Убийство есть.

Унижение есть.

Нельзя растворять зло в красивой фразе:

> ну у него просто была боль.

Боль не оправдывает насилие.

Но если мы видим только врага и не видим причины, мы снова строим башню.

Человек не равен своей роли.

Роль — это способ выжить, который забыл остановиться.

Кто-то стал контролёром, потому что когда-то без контроля всё рушилось.

Кто-то стал холодным, потому что чувствовать было опасно.

Кто-то стал агрессивным, потому что слабым его били.

Кто-то стал спасателем, потому что только так его замечали.

Кто-то стал правым, потому что ошибка когда-то стоила любви.

Кто-то стал циником, потому что надежда слишком больно обманула.

Это не оправдание.

Это карта.

Если видеть только вину, хочется казнить.

Если видеть только боль, можно всё позволить.

Если видеть и вину, и боль, появляется возможность границы без ненависти.

Вот путь сада:

> остановить вред;

> назвать правду;

> не превратить человека в мусор;

> не дать боли стать законом;

> не дать роли стать тронном.

Не враги — а причины.

Но причины — не индульгенция.

6. Когда вера убивает живого

Вера может возвращать человека к жизни.

Молитва может быть местом, где человек наконец перестаёт притворяться.

Покаяние может быть не самоуничтожением, а возвращением к правде.

Евангелие может раскрывать лицо, которое под страхом, стыдом и ролью.

Но вера тоже может стать башней.

Когда Богом пугают.

Когда Христом прикрывают жестокость.

Когда покаяние превращают в самоненависть.

Когда священный текст используют как дубинку.

Когда праведность становится правом презирать.

Когда “мы верующие” означает “мы выше”.

Когда больному говорят, что он сам виноват в болезни.

Когда жертве говорят терпеть насилие ради “креста”.

Когда ребёнка ломают “во имя послушания”.

Тогда Бога используют против живого.

Это страшнее простой грубости, потому что к насилию добавляют вечность.

Человеку уже не просто больно.

Ему говорят:

> это Бог так хочет.

Нет.

Нельзя оправдывать жестокость Богом.

Если после твоей веры рядом стало больше страха, унижения, контроля и мёртвого молчания — проверь, не превратил ли ты Бога в камень в своей руке.

Христос не пришёл дать сильным красивый язык для давления слабым.

7. Когда психология убивает живого

Психология может помогать.

Она может дать язык боли.

Показать травму.

Назвать насилие.

Помочь человеку выйти из тумана.

Отделить вину от ответственности.

Вернуть границы.

Но психологический язык тоже может стать ножом.

Особенно в быту.

“Нарцисс.”

“Абьюзер.”

“Токсик.”

“Газлайтер.”

“Жертва.”

“Созависимый.”

“Травматик.”

Иногда эти слова нужны, чтобы остановить вред.

Но часто ими закрывают разговор.

Человек сказал что-то больное — его сразу назвали.

Человек ошибся — его поместили в категорию.

Человек защищался — его объявили монстром.

Человек не согласился — ему выдали диагноз.

И всё.

Лицо исчезло.

Хорошая психология слушает.

Плохое бытовое использование психологии судит.

Хорошая психология возвращает человека к ответственности.
Плохая даёт дубинку правоты.

Хорошая психология помогает увидеть механизм.
Плохая превращает механизм в приговор.

В саду можно говорить о ролях, защитах, травмах.

Но осторожно.

Не так:

> ты контролёр, поэтому молчи.

А так:

> похоже, сейчас включилась защита контроля. Она, возможно, пытается не почувствовать страх. Но если ты будешь управлять всеми, рядом станет тесно дышать.

Это не слабость.

Это точность без убийства.

8. Когда любовь становится контролем

Любовь тоже может убивать.

Не потому что любовь плоха.

Она может стать формой владения.

Формой страха.

Формой мягкой тюрьмы.

Когда человек говорит:

> я лучше знаю, что тебе нужно;

> я так люблю, что не отпущу;

> я так переживаю, что буду решать за тебя;

> я так боюсь потерять, что буду держать.

Тогда любовь перестаёт быть служением жизни.

Она становится контролем.

И в этом есть особая ложь:

снаружи это похоже на тепло,

а внутри человеку становится всё теснее дышать.

Любовь не обязана быть слепой.

Но и не должна становиться поводом владеть.

Если рядом с любовью исчезает свобода,

если рядом с заботой исчезает лицо,

если рядом с близостью остаётся только страх потерять,

значит, любовь уже начала строить башню.